

А.П. Глинка

Графиня Полина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.П. Глинка**
Графиня Полина / А.П. Глинка – М.: Книга по Требованию, 2021. – 516 с.

ISBN 978-5-518-11142-4

ISBN 978-5-518-11142-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скихъ приличій. Въ ней по временамъ вспыхивало какое-то чувство къ искусствамъ, поэзіи, живописи, музыкѣ; но вообще она ихъ считала принадлежностью или ремесломъ людей нѣкотораго быта, а въ существѣ не понимала ни призванія, ни гениальности, и ничего, что только выходило изъ ряда идей, принятыхъ обществомъ, въ которомъ она жила. Безпрестанное чтеніе романовъ не развило въ ней однако ни какого нѣжнаго чувства: она не понимала любви, и едва-ли вѣрила, что это чувство существовать можетъ. Всѣ ея желанія, вся цѣль жизни состояли въ томъ, чтобъ веселиться безпрерывно, какъ можно болѣе, всѣмъ, что ей доставалось такъ легко. Надъ шпыми изъ своихъ поклонниковъ она жестоко смѣялась, другихъ презирала.

Къ этому легкому очерку характера Помины, расскажемъ нѣсколько сценъ ея жизни, что еще болѣе дополнитъ сказанное о ней.

Она часто ѣзжала въ Англійскій Магазинъ, много покупала, и за то ей тамъ во всемъ угождали.

Едва вошла она туда, какъ повелительнымъ тономъ спросила:

«А мой браслетъ, готовъ-ли?»

«Нѣтъ, графиня, только завтра...»

«Да это ужасно, что вы со мной дѣлаете!» отвѣчала Полина съ недовольнымъ видомъ.

«Мы отдали вашъ браслетъ лучшему нашему мастеру, графиня, чтобъ угодить вамъ. Видно, у него много работы. Завтра навѣрное будетъ готовъ. До завтра не долго.»

«Какъ не долго!» закричала графиня: «да вы не знаете, я хочу его надѣть нынче вечеромъ непременно. Это талисманъ изъ Константинополя, мнѣ нужно испытать его силу. *Mon Dieu, quelle déception!...*»

Это слово было сказано съ какимъ-то визгливымъ порывомъ гнѣва, и заставило приподнять голову одного молодого человѣка, который стоялъ нагнувшись надъ ящикомъ съ зрительными трубками. Сперва графиня его и не замѣтила. Онъ вдругъ выпрямился, и очень зорко и сурово окинулъ пышную красавицу съ ногъ до головы. Въ этомъ бѣгломъ взглядѣ выразилось столько разныхъ чувствъ не въ пользу Полины, что она смѣшалась, опустила глаза, и сама нагнулась, какъ бы рассматривая передъ собою разныя драгоценности. Послѣ первой минуты замѣшательства, женское любопытство преодолѣло, и — молодая графиня взглянула на своего обличителя. Высокаго роста прекрасный молодой человѣкъ, съ темно-голубыми глазами, стоялъ передъ нею. Серіозное лице

его выражало умъ и какую-то суровость. Хладнокровно, не обращая на нее никакого вниманія, онъ спросилъ о цѣнѣ зрительной трубки, которую держалъ въ рукахъ. Получивъ отвѣтъ, вынулъ деньги, заплатилъ и вышелъ, бросивъ еще какой-то ироническо-холодный взоръ на графиню.

«Кто это такой?» поспѣшно спросила графиня у купца.

«Не знаемъ; долженъ быть прїѣзжій. Онъ у насъ въ первый разъ; хотѣлъ еще побывать и купить въ нашемъ магазинѣ нѣкоторыя вещи. А теперь взялъ трубку, кажется для вынѣшней оперы...»

«Да, точно, нынче день оперы.»

«Стало быть я его увижу,» думала про себя Полина, сама не зная, почему могъ бы интересовать ее чело-вѣкъ, котораго она увидѣла въ первый разъ, и который еще взглянулъ на нее такъ сурово.

II.

Театръ былъ полонъ. Давали любимую публикой италiанскую оперу: «Женщина-Луиатикъ». Плѣнительные звуки Италiи льлись, переливались, гремѣли; — казалось, зрители удерживали дыханiе, чтобъ только не потерять этого упоенiя. Тѣмъ громче, живѣе, по окончанiи арiи или дуэта, удержанный восторгъ раздавался по залѣ. Бель-этажъ занятъ былъ дамами высшаго круга и, по окончанiи акта, зрѣнiе могло, равно какъ слухъ звуками, налюбоваться изящностью уборовъ. Узнаете-ли вы, въ третьемъ номерѣ, графиню Полину?... Какъ она блистательна!... Какой-то фантастическiй уборъ отличалъ ее рѣзко отъ другихъ. Никогда черные глаза ея не бросали такихъ огненныхъ стрѣлъ, какъ изъ-подъ гирлянды ярко-пунцовыхъ камелiй. Какъ хорошо шли къ черному атласному платью серьги, браслеты и брошка брил-

ліантовые!... Низко спустился ея шарфъ и, конечно, ея плечи и руки своею формою могли бы служить образцомъ для рѣзца художника. Она сидѣла въ ложѣ съ отцемъ и, странно было, что хотя играли ея любимую оперу, а она, въ какомъ-то разсѣяніи, почти не слушала музыки, не глядѣла на сцену, а безпрестанно оборачивалась къ партеру, наводила зрительную трубку во всѣ стороны, ворочалась и казалась въ неестественномъ положеніи. Каждый стукъ отворяемой двери заставлялъ ее поднимать къ глазамъ зрительную трубку съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и тотчасъ опускать ее медленно, и отворачиваться. Старый графъ, отецъ ея, сидѣлъ преспокойно и ни сколько не замѣчалъ волненія Полины. Онъ очень внимательно, какъ старинный любитель и знатокъ музыки, слушалъ оперу, а въ антрактѣ разговаривалъ съ сосѣдомъ, своимъ сослуживцемъ. Но, напротивъ того, сидѣвшее за молодой графиней существо небольшого роста замѣчало всѣ ея движенія. Это былъ камергеръ Мирской, домашній челоуѣкъ у графа. Ему было около сорока лѣтъ, а при помощи утонченнаго туалета, казалось, гораздо менѣе; худощавый, съ фізіономіей ничего не выражающею, кромѣ глазъ, которыхъ взглядъ изобличалъ много хитрости и лукавства. Вся жизнь его наполнялась предста-

влениемъ разныхъ сценъ, только въ салонахъ большаго свѣта; другихъ же слоевъ общества онъ не удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Только тамъ дышалъ онъ свободно, и когда его куда приглашали, первый вопросъ его былъ: «будутъ ли тамъ князь Звѣздинъ, посланники, княгиня Зинаида и графиня Блесткова?..» Утвердительный отвѣтъ успокоивалъ камергера, и онъ приготовлялъ весь запасъ извѣстныхъ фразъ, затверженныхъ въ обществѣ. Ему, прошедшему весь курсъ такого ученія, можно было легко и даже щеголевато выразаться по-французски. Онъ имѣлъ порядочный достатокъ, но желалъ его увеличить; до сорока лѣтъ это желаніе не оставляло его, и онъ искалъ упрочить его блистательною партіей, хотя до сихъ поръ суженая въ этомъ родѣ не являлась, и онъ на такомъ основаніи помирился бы съ невѣстой даже изъ другаго круга, но съ полновѣснымъ прилагательнымъ, изъ наличныхъ ли, душъ ли, пріисковъ ли золотыхъ, было бы что сосчитать и жить, какъ его положеніе въ свѣтѣ того требовало. Иногда приходила ему въ голову и графиня Полина; но, зная коротко ея характеръ, любовь къ ней отца и независимо-блистательное ея положеніе, онъ не рѣшался на этотъ счетъ обнаружить свои внутреннія желанія, и поставилъ себя съ нею на дружескую ногу. Они вмѣстѣ смѣялись надъ

другими, а между тѣмъ весьма нерѣдко отпускали другъ другу разныя колкости. Мирской очень терпѣливо сносилъ, когда его жалила молодая графиня, съ мыслию: «подожди, моя милая, еще нѣсколько лѣтъ, и когда наляжетъ на это гладкое чело нѣсколько неумолимыхъ складокъ, и завянетъ свѣжесть румянца, можетъ быть, рада будешь и Мирскому; захочешь пріютиться и подъ его крылышкомъ. И отецъ можетъ умереть и мало-ли что можетъ случиться: тогда требованія уменьшатся, и не всегда же мнѣ глотать такія горькія пилюли. А между тѣмъ я здѣсь стою твердо, моего поста никто не отобьетъ, а упущенія съ моей стороны не будетъ.»

Такъ думалъ каммергеръ, и не смотря на горькую долю, про которую зналъ онъ одинъ, многіе завидовали ему, видя его короткость въ домѣ графа и служеніе при такой красотѣ, какова Полина. Онъ имѣлъ короткія сношенія со всѣмъ, что только было значительно въ большомъ кругу; ему давно были извѣстны всѣ основныя пружины, чѣмъ поддерживать такія связи... Безъ него не могли обойтись, какъ безъ мебели, на которой привыкли сидѣть, а въ существѣ онъ дѣлалъ для другихъ то же, что и для себя: обѣдалъ съ ними, составлялъ ихъ партію, сидѣлъ въ ложѣ, а между тѣмъ его сужденія были только давно

истертыя пошлости, сказанныя въ извѣстные часы дня. И могъ ли онъ имѣть о чемъ свое мнѣніе, при-выкнувъ глядѣть на все чужими глазами и прислушиваться внимательно, что скажутъ люди важнѣе его, допуская съ покорностью всякую нелѣпость только отъ нихъ. Онъ никогда не погрѣшилъ противъ этихъ законовъ. Графиня, видя такую мягкость своего втайнѣ поклонника, поступала съ нимъ какъ съ игрушкой, съ которою можно иногда поиграть, а послѣ бросить, когда надоѣстъ. Ей въ голову не могло прийти, чтобъ онъ смѣлъ и подумать быть когда нибудь ея женихомъ. Онъ очень искусно умѣлъ найти метромъ для своего съ нею обхожденія, и она его сносила. Между тѣмъ ничто не ускользало отъ замѣчаній Мирскаго; онъ непрерывно слѣдилъ за Полиной, и въ настоящую минуту волненіе и судорожныя движенія графини отъ него не скрылись; бѣгло окинулъ онъ глазами залу театра, и послѣ того, какимъ-то флейточнымъ звукомъ, спросилъ у нея:

«Кого вы ищете, графиня, кого вамъ надобно?»

«Вамъ что до этого за дѣло?» отвѣчала Полина съ досадою на того, кто помѣшалъ ей и даже подмѣтилъ ея внутреннее желаніе. «Никого!»

«Позвольте жъ вамъ сказать,» отвѣчалъ смиренно камергеръ, «что вы говорите не совѣмъ искренно. Я

знаю васъ, графиня, не со вчерашняго дня. Это любимая ваша опера, а вы, кажется, пропустили всѣ лучшія мѣста безъ замѣчанія; — конечно, оно не даромъ. Васъ что нибудь сильно занимаетъ. Да и зачѣмъ было бы такъ портить ваши прекрасные глаза, — позвольте мнѣ хоть за нихъ вступить: вы безпрестанно наводите вашъ бинокль въ разныя стороны, вы кого-то ищете, графиня.....»

«Мнѣ такъ хочется,» отвѣчала вспыхнувъ Полина, и послѣ прибавила насмѣшливо: «вы не позволяете глядѣть на кого мнѣ вздумается!»

«Помилуйте, графиня, за что жъ сердиться! Я вамъ же хотѣлъ помочь моимъ усердіемъ, вы знаете какой я *bon enfant*: да и для васъ... скажите только, такъ я отыщу вамъ этотъ интересный предметъ.»

При послѣднихъ словахъ голосъ камергера дрожалъ однако.

«Вы?» сказала какъ-то рѣзко Полина, и, обратившись прямо къ нему, смотрѣла ему пристально въ глаза, какъ бы желая узнать настоящее его чувство. Онъ опустилъ глаза, сжалъ губы и, вздохнувъ, отвѣчалъ:

«Вы знаете, графиня, что для васъ я готовъ въ огонь и въ воду... Сколько лѣтъ вамъ извѣстна моя преданность, за что жъ сомнѣваться?...»

Полина ничего не отвѣчала. Услышавъ какой-то стукъ, и поспѣшно обратившись къ партеру, навела туда трубку, и послѣ того уже смотрѣла все въ одно мѣсто... Мирской, не теряя времени, зоркими своими глазами послѣдовалъ за ея взоромъ и увидѣлъ вошедшаго въ залу молодаго человѣка самой благородной и красивой наружности; отыскавъ свое кресло, онъ сталъ у притолки бенуара... Мирской, чтобъ лучше разглядѣть его сидя за графинею, также принялся за трубку; между тѣмъ и она не спускала глазъ съ незнакомца... Какъ не понять было камергеру, что предметъ достоинъ вниманія Полины! Только страннымъ ему казалось, что онъ его еще не встрѣчалъ въ обществѣ, хотя, повидимому, онъ долженъ принадлежать къ высшему кругу... А можетъ быть это что вибудъ и во все ничтожное: нынче хорошо сшитый сюртукъ и натянутыя перчатки могутъ принадлежать всякому... Но въ настоящемъ случаѣ все равно: онъ занимаетъ графиню и довольно—надо отразить. «Пожалуй, станется отъ такой пылкой, необузданной головы, что влюбится по уши; тогда для меня все потеряно.» Такого рода мысли пробѣжали въ головѣ камергера; онъ строго наблюдалъ ея движенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ придумывалъ, что сдѣлать...

Начался второй актъ. Не смотря на то, что Полина